

Научная статья

УДК 159.9.072.43

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.3>

Мотивы использования соцсетей, факторы онлайн-риска и психологическое благополучие подростков в связи с интеграцией социальных сетей в ежедневную активность

Александр Н. Веракса¹, Дмитрий С. Корниенко²✉, Аполлинария В. Чурсина³

^{1,3} Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

^{1,2,3} Психологический институт Российской академии образования, г. Москва, Российская Федерация

² Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

✉ dscorney@mail.ru

Аннотация

Введение. Изучение того, какое место занимают социальные сети как новая социальная реальность в повседневной активности подростков, и как их использование отражается на эмоциональном состоянии и психологическом благополучии в связи с временем, проводимом в Сети, количеством социальных связей, мотивами, позволяет раскрыть и уточнить связи этих характеристик и их вклад в психологическое благополучие подростков. Новизна исследования состоит в соотнесении содержательных характеристик использования социальных сетей и формальных, а также с мотивами, факторами онлайн-риска и удовлетворенностью жизнью. Цель работы состояла в изучении вкладов показателей активности в социальных сетях в субъективное психологическое благополучие подростков в связи с мотивами их использования и факторами риска. **Методы.** Исследование проводилось с помощью онлайн-опроса. Выборку составили 409 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, пользователи социальных сетей. Оценивались формальные показатели использования социальных сетей, мотивы использования социальных сетей, факторы онлайн риска в социальных сетях, субъективное психологическое благополучие. Оценка степени интеграции социальных медиа в ежедневную активность, производилась на основе шкалы интеграции социальных медиа. **Результаты.** Показатели использования социальных сетей (время, количество друзей) связаны как с большей интеграцией социальных сетей, так и с большим онлайн-риском. Мотивы использования социальных сетей связаны с большим риском, а сохранение приватности, наоборот, – с меньшим риском в социальных сетях. При увеличении рисков и большей интеграции социальных медиа в жизнь снижается субъективное психологическое благополучие подростков. Большое количество друзей и возможность реализовать мотив самопрезентации, напротив, приводят к повышению удовлетворенности жизнью. **Обсуждение результатов.** Интеграция социальных сетей в жизнь подростка приводит к разнонаправленным

эффектам, усиливает онлайн-риски, но и способствует реализации мотивов социализации, что, в свою очередь, по-разному отражается на психологическом благополучии.

Ключевые слова

социальные сети, социальные медиа, подростки, психологическое благополучие, мотивы, факторы риска, Интернет, удовлетворенность жизнью, онлайн-риски, мотив самопрезентации

Основные положения

- интеграция социальных сетей в жизнь является характеристикой поведенческой, социальной и эмоциональной включенности подростка в ежедневное использование и активность в социальных сетях;
- онлайн-риски связаны с большей выраженностью коммуникативных и интерактивных мотивов, однако специфика мотивов и рисков различны: например, коммуникативные мотивы связаны с риском знакомства с новыми людьми, а мотив самопрезентации – с переживанием негативных эмоций;
- субъективное психологическое благополучие у подростков обратно пропорционально социальным и эмоциональным факторам риска в онлайн-взаимодействии.

Для цитирования

Веракса, А. Н., Корниенко, Д. С. и Чурсина, А. В. (2021). Мотивы использования соцсетей, факторы онлайн-риска и психологическое благополучие подростков в связи с интеграцией социальных сетей в ежедневную активность. *Российский психологический журнал*, 18(4), 30–46. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.3>

Введение

Социальные сети как неотъемлемая часть современной реальности представляют собой контекст социализации детей и подростков (Soldatova, Rasskazova, & Chigarkova, 2020). Степень вовлечения в онлайн-среду обусловлена различными личностными особенностями подростков (Кружкова и Воробьева, 2019), а также выражается в различных представлениях о поведении в социальных сетях (Карабанова и Георгиевская, 2019). Ежегодный рост числа пользователей социальных сетей (Digital 2021: Global overview report, 2021) усиливает необходимость изучения психологических феноменов, стоящих как за использованием социальных сетей, так и происходящих в этом пространстве.

Мотивы использования социальных сетей

Исследования мотивов использования социальных медиа показывают возрастные, половые различия, а также специфику в связи с обучением (Собкин и Федотова, 2019; Хлыбова, Томичева и Гиренко, 2021). В качестве значимых мотивов использования социальных сетей отмечают: творческий мотив, мотив социализации, экономические, развлекательные и информационные мотивы (Bulut & Doğan, 2017). Отмечается мотив самопрезентации, который проявляется через стремление создать реалистичный или фальшивый образ и имеет различия в связи с выраженностью личностных черт, возрастом и полом (Корниенко, Руднова и Горбушина, 2021; Овчарова, 2021; Sobkin & Fedotova, 2019). Несмотря на то, что мотивы

использования социальных сетей отличаются для взрослых и подростков, лидирующим, так или иначе, остается стремление к поддержанию контактов с другими людьми (Солдатова и Теславская, 2018). Для подростков, наряду с мотивом связи со своей социальной группой, мотив избегания скуки также остается важным предиктором негативных последствий высокой интеграции социальных сетей в жизнь (Stockdale & Coyne, 2020). Однако утверждать только негативный эффект социальных сетей было бы неправильно, т. к. любые мотивы использования социальной сети в конечном итоге направлены на установление социальных контактов, большую социализацию (Карабанова, 2020; Солодников и Зайцева, 2021), возможность присоединиться к разным социальным группам и получить психологическую поддержку (Stockdale & Coyne, 2020; Алексеева, Веретина и Орлова, 2019).

Риски использования социальных сетей

Негативные эффекты использования социальных сетей активно обсуждаются в литературе (например, Панов и Патраков, 2020). При этом большая часть исследований направлена на исследования интернет-зависимости, навязчивого использования интернета и кибербуллинга (Кирюхина, 2019). В качестве формальных факторов рассматриваются время, проводимое в Интернете и социальных сетях, увлечение онлайн-играми (Marín-López, Zych, Ortega-Ruiz, Hunter, & Llorent, 2020; Masi, 2018), а личностных – такие черты, как нейротизм, низкий самоконтроль, агрессивность, поиск вознаграждения, а также низкие навыки коммуникации и социальных компетенций (Собкин и Федотова, 2018; Холмогорова и Герасимова, 2019). Спектр особенностей, приводящих к зависимому поведению подростков, расширяется за счет привлечения в исследования характеристик образа жизни и отношений с родителями (Gao et al., 2020).

Отдельной проблемой являются риски, связанные с коммуникацией в социальных сетях, они были обозначены в проекте EU Kids Online (Staksrud, Ólafsson, & Livingstone, 2013). Такие риски не являются однозначными: например, знакомство с новым человеком в социальной сети расширяет возможности коммуникации и круга общения, но создает вероятность негативных реакций со стороны этого человека. В связи с неоднозначностью подобных рисков вероятность получения вреда от них зависит от других характеристик. Тем не менее, т. к. коммуникационные риски, прежде всего, связаны с социальными сетями, изучение их в контексте других переменных представляется важной задачей.

Психологическое благополучие и использование социальных сетей

В исследованиях различных аспектов психологического благополучия и использования цифровых устройств было установлено, что значимыми факторами неблагополучия являются время, проводимое в социальных сетях (Bruggeman, Van Hiel, Van Hal, & Van Dongen, 2019), количество друзей в социальной сети (Горелова и Иноземцев, 2020), зависимость от социальных сетей (Сунцова и Бурдыко, 2018). Вместе с тем максимальную частоту использования цифровых устройств демонстрировали подростки с высоким уровнем счастья и благополучия (Bruggeman et al., 2019). Результаты подобных исследований могут объясняться, исходя из нескольких гипотез: негативной, позитивной, гипотезы социальных навыков и гипотезы компенсации.

Позитивная гипотеза оптимистически рассматривает коммуникацию в социальных сетях и утверждает, что такая коммуникация расширяет возможности для общения и улучшает взаимодействие с друзьями в реальности, т. к. контакт с ними поддерживается и онлайн, что

позитивно сказывается на психологическом благополучии (Ellison, Steinfield, & Lampe, 2007). Негативная гипотеза предполагает, что онлайн-коммуникации снижают качество психологического благополучия, т. к. отнимают время у общения в реальности. Кроме того, общение в Сети происходит с малознакомыми людьми вместо поддержания уже существующих социальных связей (Valkenburg & Peter, 2009).

Гипотеза социальных навыков основана на исследованиях, в которых показано, что круг общения в Сети и реальности являются в большей части совпадающими, т. е. общение происходит с одними и теми же людьми. Следовательно, люди, которые обладают хорошими навыками коммуникации, поддерживают психологическое благополучие, общаясь и получая поддержку как онлайн, так и офлайн (Bruggeman et al., 2019).

Гипотеза компенсации, в отличие от гипотезы социальных навыков, больше объясняет, как люди с низкими навыками коммуникации или личностными особенностями могут улучшить свое психологическое благополучие. Так, установление близких поддерживающих контактов в относительно безопасной онлайн-среде способствует психологическому благополучию интровертированных личностей, а также лучшему общению в офлайн-среде (Bruggeman et al., 2019).

Несмотря на то, что в широком контексте влияние технологий на психологическое благополучие объяснялось негативной гипотезой, А. Пржибилски и Н. Вайншейн предложили другое объяснение – низкий и высокий уровни использования цифровых устройств приводят к негативным последствиям, а средний уровень может, напротив, давать позитивный результат (Przybylski & Weinstein, 2017).

Интеграция социальных сетей в повседневную жизнь

Исследователи интернета и социальных сетей обращаются к различным формальным параметрам (время, проводимое в Сети, количество друзей или подписчиков), но оставляют без внимания содержательные параметры поведения, связанного с пребыванием в Сети. Существует несколько вариантов оценки степени использования социальных сетей. Например, оценивается интенсивность использования социальной сети на основании самоотчета о частоте и длительности пребывания и активности в социальной сети (Ellison et al., 2007). Другим вариантом является оценка так называемого навязчивого использования социальной сети, что включает анализ поведенческих критериев зависимости от цифровых устройств (Elphinston & Noller, 2011). Результаты исследований с использованием данных методов на выборках студентов показали, что большая вовлеченность в использование социальной сети и наличие негативных эмоциональных переживаний при ограничении доступа в социальную сеть характеризуют девушек и связано с выраженностью прокрастинации (Корниенко и Руднова, 2018).

В качестве новой проблемы, связанной с распространением социальных сетей и их включением в повседневное использование не только для простого обмена сообщениями, но и для бизнеса, обучения, саморазвития, возникла необходимость изучения степени их интеграции в ежедневную практику (Jenkins-Guarnieri, Wright, & Johnson, 2013). Интеграция социальных медиа рассматривается как поведенческая характеристика, связанная с различными действиями в Сети, и как эмоциональная составляющая коммуникации в социальных сетях, когда отсутствие возможности использования социальной сети приводит к переживанию негативных эмоций.

Интеграция социальных сетей в ежедневную активность является *актуальным*

исследовательским вопросом, т. к. характеризует не формальные показатели использования социальной сети, а степень того, какую роль играют социальные сети в ежедневной активности, насколько важно поддержание коммуникации и поддержание положительных эмоций при использовании сетей. Имеющиеся исследования формальных характеристик использования социальных сетей, мотивов и факторов онлайн-риска и психологического благополучия позволили рассмотреть различные аспекты интернет-поведения подростков. Однако работ, в которых различных характеристик (мотивы, риски, психологическое благополучие) в едином исследовании, не так много, что не позволяет комплексно рассматривать их связь с активностью в социальных сетях. Именно изучение социальных и эмоциональных составляющих использования социальных сетей позволяет перейти от описательных характеристик к содержательным психологическим, что не только дополняет имеющиеся эмпирические исследования, но и расширяет теоретические представления об онлайн-активности подростков.

В связи с этим возникает необходимость получения *новых* фактов, которые позволят соотнести содержательные характеристики использования социальных сетей с формальными, а также с мотивами, факторами онлайн-риска и удовлетворенностью жизнью.

Данное исследование носит эксплораторный характер в связи с объединением различных характеристик, описывающих поведенческие и психологические параметры использования социальных сетей. Основными задачами данной работы стали следующие: (1) выявление различных аспектов поведения подростков в социальных сетях через исследование формальных характеристик использования социальных сетей в сочетании со шкалами поведенческой и социально-эмоциональной интеграции социальных медиа; (2) изучение связей интеграции социальных медиа с мотивами использования социальных сетей и факторами риска, что позволит рассмотреть вопрос о том, насколько стремление к поддержанию онлайн-коммуникаций и социальная онлайн-среда могут представлять потенциальную опасность; (3) уточнение связи поведенческой и социально-эмоциональной интеграции социальных медиа с психологическим благополучием подростков.

Методы

Исследование проводилось посредством онлайн-опроса. Респонденты получали ссылку на опрос и после ознакомления с целями исследования и согласия на участие отвечали на вопросы. Опрос проводился в период с апреля по май 2021 года.

Выборка

Выборку исследования составили 409 школьников, проживающих в Российской Федерации в возрасте от 14 до 17 лет ($M = 15,48$; $SD = 1,07$), 228 женского и 121 мужского пола. В связи с целями исследования, задавался вопрос относительно наиболее используемой социальной сети. 40 % респондентов в качестве основной социальной сети используют ВКонтакте, 29 % – Инстаграм, 10 % – YouTube, остальные 21 % используют другие. Использование одной социальной сети как основной не отменяет использование других, а в связи с возможностями интеграции разных социальных сетей предпочтение какой-то одной может быть связано скорее с удобством для конкретного пользователя, чем с функциональными возможностями конкретной платформы.

Формальные характеристики использования социальных сетей

Подростки используют четыре социальные сети (ВКонтакте, Инстаграм, YouTube и TikTok), проводя в них чаще всего 2 часа в день, при этом 60 % указывают, что используют социальные сети от 1 до 4 часов в день. В среднем подростки имеют до 100 друзей ($M = 97,53$) в социальной сети, при этом половина выборки указали количество в диапазоне от 0 до 50 человек. 40 % респондентов оставляют свой профиль «частично открытым», доступным для друзей или знакомых, 26 % полностью закрывают профиль для людей не из списка друзей, 32,8 % выбирают смешанные тактики доступности профиля, только 1,2 % имеют полностью открытый профиль.

Мотивы использования социальной сети

27 % респондентов максимально оценили значимость возможности оставаться на связи с друзьями, 42 % – возможность знакомиться с новыми людьми, 10 % выделили использование социальных сетей для игр и размещения собственной информации, 33 % не имеют значительной выраженности какого-либо мотива.

Факторы риска в социальных сетях

Почти никогда не контактировали с новыми людьми и не встречались с людьми, с которыми познакомилась в Интернете, от 30 до 60 % респондентов, лишь 17 % часто вступают в контакт с незнакомцами.

Методики и исследуемые показатели

Характеристики использования социальных сетей. Респондентам были предложены следующие вопросы для оценки формальных характеристик использования социальных сетей:

1. Какими социальными сетями ты пользуешься? (вариант ответа с множественным выбором)
2. Какую социальную сеть ты считаешь основной? (выбор только одной социальной сети)
3. Время (в часах), проводимое в основной социальной сети.
4. Количество друзей в основной социальной сети.
5. Доступность профиля в социальной сети. Предлагался вопрос со следующими вариантами: открытый, доступный для всех; частично закрытый, так, что друзья друзей или знакомые могут его видеть; закрытый, только друзья могут его видеть.

Мотивы использования социальной сети оценивались на основе вопросов, разработанных в исследовании Bruggeman et al. (2019). Респондентам предлагалось оценить четыре мотива: коммуникативный (быть на связи с другими), коммуникативно-познавательный (узнавать новых людей), игровой (играть в игры) и мотив самопрезентации (публикация собственных мыслей, текстов, фотографий). Каждый оценивался по шкале от 1 (совершенно не согласен) до 5 (совершенно согласен).

Изучение *факторов онлайн риска в социальных сетях* осуществлялось на основе вопросов исследования (Staksrud et al., 2013) о контактах с незнакомцами в социальных сетях, о встрече с человеком, с которым познакомился в социальной сети, о буллинге в социальных сетях и об общем негативном опыте в социальной сети. Респонденты оценивали вопросы по степени частоты от 1 (никогда) до 4 (очень часто).

Субъективное психологическое благополучие исследовалось посредством шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера. Она содержит пять вопросов с вариантами ответа от «полностью не согласен» до «полностью согласен» и позволяет оценить когнитивные аспекты

субъективного благополучия и соответствия жизненных обстоятельств в целом ожиданиям от жизни (Осин и Леонтьев, 2020).

Характеристики включенности социальных сетей в повседневную жизнь подростка оценивались на основе Шкалы интеграции социальных медиа. Методика изучает степень интеграции социальных медиа в ежедневную активность, субъективную важность их использования и наличие эмоциональной связи с использованием социальных сетей (Jenkins-Guarnieri et al., 2013). Исходная версия шкалы предназначена для социальной сети Facebook молодыми людьми в возрасте 17–25 лет. Шкала содержит 10 вопросов с вариантами ответа по шкале от 1 (совершенно не согласен) до 5 (совершенно согласен). Основными показателями являются шкала *поведенческой интеграции*, связанная с оценкой поведенческой активности в социальной сети (ежедневная проверка своего профиля, реакции на содержание информации от других пользователей), и шкала *социальной и эмоциональной интеграции*, связанная с оценкой важности взаимодействия в социальной сети и частоты общения с другими пользователями.

Результаты

Взаимосвязи характеристик использования социальной сети, мотивов и факторов риска социальной сети

Количество социальных сетей, которые используют подростки, положительно связано с количеством друзей ($r = 0,14$; $p < 0,01$), мотивами использования социальной сети ($(r = 0,12$; $p < 0,05$); $(r = 0,12$; $p < 0,05$); $(r = 0,14$; $p < 0,01$); $(r = 0,15$; $p < 0,01$)) и факторами риска ($(r = 0,18$; $p < 0,01$); $(r = 0,19$; $p < 0,01$); $(r = 0,11$; $p < 0,01$); $(r = 0,16$; $p < 0,01$)). Время, проводимое в социальной сети, обнаруживает только одну связь с риском буллинга ($r = 0,13$; $p < 0,01$). Количество друзей в социальной сети положительно связано с мотивами поддержания связей ($r = 0,18$; $p < 0,01$), знакомства с новыми людьми ($r = 0,18$; $p < 0,01$) и размещения собственной информации ($r = 0,21$; $p < 0,01$), но отрицательно связано с игровым мотивом ($r = -0,14$; $p < 0,01$). Открытость профиля отрицательно связана с мотивами поддержания связи ($r = -0,10$; $p < 0,01$), знакомства с новыми людьми ($r = -0,12$; $p < 0,01$) и игровым мотивом ($r = -0,13$; $p < 0,01$), при этом не обнаруживает связи с мотивом публикации собственной информации. Среди факторов риска в Интернете обнаружена отрицательная связь открытости профиля и контакта с незнакомцем в социальной сети ($r = -0,17$; $p < 0,01$).

Таблица 1

Средние, стандартные отклонения и корреляционные взаимосвязи формальных характеристик использования социальных сетей, мотивов использования и факторов риска в социальной сети

Показатели	Среднее (ст. откл.)	Количество социальных сетей	Время в социальных сетях	Количество друзей	Открытость профиля
Количество социальных сетей	4,25 (1,51)				
Время в социальных сетях	8,78 (16,96)	0,04			

Таблица 1

Средние, стандартные отклонения и корреляционные взаимосвязи формальных характеристик использования социальных сетей, мотивов использования и факторов риска в социальной сети

Показатели	Среднее (ст. откл.)	Количество социальных сетей	Время в социальных сетях	Количество друзей	Открытость профиля
Количество друзей	97,53 (125,72)	0,14**	-0,03		
Открытость профиля	1,90 (0,88)	-0,02	-0,02	-0,09	
М: быть на связи с другими	3,90 (0,91)	0,12*	0,03	0,18**	-0,10*
М: узнавать новых людей	3,26 (1,06)	0,12*	0,10	0,18**	-0,13**
М: играть в игры	2,69 (1,34)	0,14**	0,10	-0,14**	-0,12*
М: публикация собственных мыслей, текстов, фотографий	3,06 (1,21)	0,15**	0,06	0,21**	-0,03
Р: контакт с незнакомцами	2,69 (0,91)	0,18**	0,08	0,02	-0,17**
Р: встреча с человеком, с которым познакомился в социальной сети	2,07 (1,01)	0,19**	0,07	0,23**	-0,09
Р: общий негативный опыт в социальной сети	2,01 (0,97)	0,11*	0,07	0,06	-0,03
Р: буллинг	1,36 (0,72)	0,16**	0,13**	0,01	-0,05

Примечания: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; М – мотивы использования социальной сети; Р – факторы риска в социальной сети.

Связь мотивов использования социальной сети и факторов риска

Стремление оставаться на связи и узнавать новых людей положительно связано как с контактом с незнакомцем ($r = 0,14$; $p < 0,01$), так и с встречей с человеком, знакомым только по Интернету ($r = 0,21$; $p < 0,01$). Мотив знакомства с новыми людьми положительно связан с такими рисками, как контакт с незнакомцем ($r = 0,20$; $p < 0,01$), встреча с человеком, с которым познакомился в Интернете ($r = 0,22$; $p < 0,01$), буллинг ($r = 0,11$; $p < 0,05$). Игровые мотивы связаны как с риском контакта с новыми людьми ($r = 0,13$; $p < 0,01$), так и риском буллинга ($r = 0,21$; $p < 0,01$). Мотив размещения собственных текстов, мыслей и фотографий

в социальной сети положительно связан с встречей в реальности с человеком, с которым до этого был не знаком и познакомился в Интернете ($r = 0,18$; $p < 0,01$) и риском переживания негативных эмоций ($r = 0,10$; $p < 0,01$).

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи мотивов использования и факторов риска социальной сети

Факторы риска в социальных сетях	Мотивы использования социальных сетей			
	Быть на связи с другими	Узнавать новых людей	Играть в игры	Публикация собственных мыслей, текстов, фотографий
Контакт с незнакомцами	0,14**	0,20**	0,13**	0,06
Встреча с человеком, с которым познакомился в социальной сети	0,21**	0,22**	0,04	0,18**
Общий негативный опыт в социальной сети	-0,01	0,07	0,05	0,10*
Буллинг	-0,03	0,11*	0,21**	0,01

Примечания: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Использование социальных сетей и факторы онлайн-риска

Показатели Шкалы использования социальных медиа обнаружили положительные корреляции с количеством социальных сетей ($r = 0,25:0,37$; $p < 0,01$) и временем использования социальной сети ($r = 0,10:0,11$; $p < 0,05$). При этом показатель поведенческой интеграции социальных медиа, в отличие от показателей социально-эмоциональной и общей интеграции, не обнаруживает связи с количеством времени, проводимого в Сети. Также, показатель социально-эмоциональной интеграции социальных медиа положительно связан с количеством друзей ($r = 0,15:0,19$; $p < 0,01$). Открытость профиля отрицательно связана с коммуникативным ($r = -0,13$; $p < 0,01$) и общим показателями использования социальной сети ($r = -0,12$; $p < 0,01$).

Среди мотивов использования социальной сети наименьшие коэффициенты корреляции обнаружены с использованием социальной сети для игр ($r = 0,13:0,14$; $p < 0,01$) и поддержания контактов с другими ($r = 0,15:0,19$; $p < 0,01$), затем идут коэффициенты корреляции для мотива знакомства с новыми людьми и наибольшие коэффициенты корреляции обнаружены для цели опубликовать свои мысли, тексты и фотографии ($r = 0,29:0,35$; $p < 0,01$).

Факторы риска положительно связаны со всеми показателями Шкалы интеграции социальных медиа ($r = 0,13:0,30$; $p < 0,05$), за исключением отсутствия связи поведенческого показателя использования социальной сети и риска буллинга.

Взаимосвязи удовлетворенности жизнью с характеристиками использования социальных сетей и факторами риска

Корреляционный анализ показателей Шкалы использования социальных медиа и показателя удовлетворенности жизнью выявил ряд значимых связей. Общий показатель ($r = -0,20$; $p < 0,01$), шкалы поведенческой ($r = -0,29$; $p < 0,01$) и социально-эмоциональной ($r = -0,27$; $p < 0,01$) интеграции социальных медиа обнаружили отрицательные корреляции с показателем удовлетворенности жизнью.

Удовлетворенность жизнью отрицательно связана с количеством социальных сетей ($r = -0,13$; $p < 0,05$), которые использует подросток, и положительно связана с количеством друзей ($r = 0,11$; $p < 0,05$). Мотивы использования социальной сети не обнаружили связей с удовлетворенностью жизнью. Среди факторов риска обнаружены отрицательные связи удовлетворенности жизнью и контактом с незнакомцем ($r = -0,22$; $p < 0,01$), буллингом в социальных сетях ($r = -0,20$; $p < 0,01$) и общим негативным эмоциональным опытом в социальной сети ($r = -0,24$; $p < 0,01$).

Анализ совместного вклада демографических переменных, формальных характеристик использования социальных сетей, мотивов и рисков в социальной сети и интеграции социальных сетей в повседневную жизнь был сделан на основании регрессионного анализа (табл. 3). В анализ включались общий показатель интеграции социальных сетей и суммарный показатель рисков в социальных сетях.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа для показателя удовлетворенности жизнью

Показатели	Ст. коэфф. регрессии (beta)	Значение t-критерия	Ур. знач. (p)
Св. член	4,12	7,427	0,001
Пол	0,08	1,029	0,304
Возраст	-0,00	-0,056	0,955
Количество социальных сетей	-0,02	-0,804	0,422
Время, проводимое в социальных сетях	0,001	0,241	0,810
Количество друзей в социальных сетях	0,01	2,799	0,005**
Интеграция социальных медиа	-0,32	-5,250	0,001***
М: быть на связи с другими	0,08	1,855	0,064
М: узнавать новых людей	0,07	1,943	0,053
М: играть в игры	0,04	1,258	0,209
М: публикация собственных мыслей, текстов, фотографий	0,07	2,145	0,033*
Риски в социальной сети (суммарный показатель)	-0,30	-4,638	0,001***

Примечания: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; М – мотивы использования социальной сети.

Коэффициент детерминации модели составил 15,9% ($R^2 = 0,152$; $p < 0,05$; CI 95% [0,09;0,22]), модель является значимой $F(11\ 397) = 8,044$; $p < 0,001$. Значимыми предикторами показателя удовлетворенности жизнью являются: количество друзей в социальной сети, низкая степень интеграции социальных сетей в жизнь, мотивы публикации собственного материала в Сети, низкий уровень рисков в социальных сетях (табл. 4). Близкие к значимым являются коэффициенты мотивов узнавать новых людей и быть на связи с другими.

Обсуждение результатов

Целью данного исследования являлось изучение степени интеграции социальных сетей в жизнь подростков в связи с различными характеристиками их использования: мотивами и факторами онлайн-риска, а также был рассмотрен вклад данных аспектов в субъективное благополучие подростков.

Формальные характеристик использования социальной сети, мотивы и факторы онлайн-риска

Время, количество друзей и используемых социальных сетей, а также другие формальные параметры характеризуют разные несвязанные друг с другом особенности использования социальных сетей. Исключение составляет только связь наличия большего числа друзей с использованием большего числа социальных сетей, что может объясняться тем, что более современные подростки выросли в ситуации, когда социальные сети уже являлись частью повседневной жизни, а появление новой социальной сети является частью развития социальных медиа и Интернета (Simion & Dorard, 2020).

Регистрируясь в разных социальных сетях, человек устанавливает связи с новыми людьми, за счет чего общее количество друзей становится больше. Социальные сети, ориентируясь на данные, размещаемые человеком в своем профиле, предлагают ему установить контакт с людьми, уже являющимися друзьями, и с новыми, в том числе, незнакомыми людьми, но с похожими интересами, увлечениями. Наличие большего числа социальных сетей, которыми пользуется подросток, связано как с большей выраженностью мотивов использования социальных сетей, так и с большим риском.

Различные социальные сети ориентированы на различные способы представления себя, публикации материалов и взаимодействия с другими, способствуют реализации различных мотивов. Одни социальные сети в большей степени являются способами обмена сообщениями (мессенджерами) и способствуют реализации мотивов поддержания контактов, другие, ориентированные на публикацию пользователем своих материалов (например, Инстаграм, TikTok), позволяют реализовать мотивы, связанные с размещением контента и самопрезентацией, а, например, социальная сеть Discord используется для сопровождения игр. Данное утверждение подтверждается исследованием предпочтений различных социальных сетей и мотивов их использования, где установлено, что пользователи разделяют социальные медиа на информационные и коммуникативные, позволяющие поддерживать связь с другими (Stockdale & Coyne, 2020).

Сохранение приватности оказывается важным для более двух третей подростков, при этом чаще всего (40%) профиль является частично открытым, и только 1,2% подростков оставляют профиль полностью открытым, что в обоих случаях превосходит аналогичные данные по исследованию EU Kids Online (Livingstone, Ólafsson, & Staksrud, 2013). Открытость профиля является

самостоятельной характеристикой поведения в социальных сетях (не связанной с временными или количественными параметрами) и обнаруживает связи, прежде всего, с мотивами использования социальной сети. Ожидается, что большее стремление ограничить доступ к персональному профилю связано с меньшей выраженностью мотивов, направленных на взаимодействие с другими. Тем не менее, сохранение приватности не связано с желанием представить собственную информацию в социальных сетях, что характеризует стратегию поведения, когда человек использует социальную сеть для выражения собственного мнения для ограниченной им самим аудитории. Кроме того, чем выше стремление к ограничению доступа к профилю в социальной сети, тем меньше возникает ситуаций риска вступления в контакт с незнакомыми людьми.

Онлайн-риски и мотивы использования социальных сетей

Коммуникативные и интерактивные мотивы использования социальных медиа, равно как и игровой мотив, связаны с повышенным риском взаимодействия с незнакомыми людьми и «девиртуализацией» или «развиртуализацией», т. е. встречей в реальной жизни с человеком, с которым познакомился в Интернете. Кроме того, риск буллинга может возрастать при реализации данных мотивов. Вероятно, факторами, способствующими буллингу в Интернете, являются время, проводимое в социальных медиа, и стремление к новым знакомствам, включая знакомство с участниками сетевых игр. В отношении игрового мотива наши данные согласуются с исследованием (Staksrud et al., 2013), где было получено, что вероятным предиктором буллинга в Интернете является именно использование игровых сайтов. Интерес представляет то, что мотив, связанный с публикацией собственных материалов в социальной сети, связан с риском переживания негативных эмоций как реакции на публикуемые тексты, фотографии.

Можно констатировать, что коммуникативные мотивы связаны с рисками знакомства с новыми людьми, интерактивные – с «развиртуализацией», а мотив самопрезентации – с переживанием негативных эмоций.

Сходные данные относительно связей факторов риска в социальных сетях были получены в предыдущих исследованиях, где установлено, что само использование социальных сетей усиливает различные риски (Staksrud et al., 2013). Аналогичные результаты касаются и открытости профиля в социальной сети, где меньшая открытость связана с меньшими факторами риска. При этом значимым фактором выступает количество контактов в социальной сети, т. е. наличие более 100 контактов повышает риски, связанные со встречами в реальности с человеком, знакомым по Сети, что также подтвердилось в нашем исследовании.

Взаимосвязи характеристики поведенческой, социальной и эмоциональной включенности подростков в социальные сети

Количество друзей, которые есть у подростка в социальной сети, вероятно, может являться фактором, способствующим интеграции социальных медиа в жизнь подростка. При этом время, проводимое в социальной сети, скорее связано с социальной и эмоциональной интеграцией социальных медиа в жизнь. Таким образом, время в Сети связано со стремлением общаться через социальную сеть, предпочитать ее для общения и, в случае отсутствия возможности доступа, переживать негативные эмоции. Также об этом свидетельствует большее число социальных сетей, которые использует подросток при высокой интеграции социальных медиа в повседневную жизнь. Сохранение приватности профиля в социальной сети, наоборот, связано с меньшим включением социальных медиа в межличностную коммуникацию. В исследовании

Е. Никитиной были выявлены значимые различия между группами респондентов с низкой и высокой активностью онлайн (в частности, публикацией своих фото): подчеркивается, что психологическое благополучие связано с коммуникативными мотивами для тех, кто активен в социальных сетях (Nikitina, 2021).

Интеграция социальных сетей в ежедневную активность и мотивы использования сетей

Поведенческая и социально-эмоциональная интеграция социальных медиа в жизнь подростка связана с более высокой выраженностью различных мотивов использования социальных сетей. Это позволяет утверждать, что социальные мотивы, связанные с установлением и поддержанием контакта с другими и совместной деятельностью, во многом реализуются в социальных сетях. Однако результаты, полученные на выборке старших подростков, показывают, что использование социальных сетей для коммуникативных целей, с одной стороны, может быть связано с поиском психологической поддержки и эмпатии, но, с другой стороны, использование социальных сетей исключительно для коммуникативных целей может приводить к развитию негативных характеристик – тревожности и зависимости от социальных сетей (Stockdale & Coyne, 2020). Мотив самореализации через представление собственных материалов в Сети также связан с большей интеграцией социальных сетей в жизнь подростка (Nikitina, 2021). Высокая интеграция социальных сетей в жизнь связана с различными факторами риска, такими, как контакт с незнакомым человеком, встреча в реальности с человеком, знакомым только по Интернету и переживанием негативных эмоций. Можно предположить, что, включая в ежедневную активность социальные сети, подросток неизбежно усиливает риски от межличностного взаимодействия.

Удовлетворенность жизнью и использование социальных сетей

Количество друзей и стремление к публикации собственного содержания в Сети может приводить к большей удовлетворенности жизнью, что в целом согласуется с тем, что наличие социальных контактов способствует положительному восприятию собственной жизни (Nikitina, 2021). Однако высокая интеграция социальных сетей в жизнь подростка и большее число рисков, с которыми сталкивается подросток в социальной сети, снижают психологическое благополучие. Эти данные согласуются с негативной гипотезой связи психологического благополучия и использования цифровых медиа, однако наличие связей между субъективным благополучием и количеством друзей в социальных сетях скорее соответствует позитивной гипотезе или гипотезе социальных навыков. Несмотря на общую тенденцию отрицательной связи между психологическим благополучием и использованием цифровых медиа, специфика мотивов использования социальной сети и количества друзей могут менять данную связь (Clark, Algoe, & Green, 2018; Przybylski & Weinstein, 2017). Тем не менее, согласно обзорным исследованиям (Schønning, Hjetland, Aarø, & Skogen, 2020), значительная часть работ, посвященных проблематике негативного влияния социальных сетей на психологическое здоровье и благополучие, ввиду методологических особенностей дизайна, например отсутствия лонгитюда, не может претендовать на причинно-следственные закономерности, поэтому следует с осторожностью относиться к интерпретации полученных результатов.

Полученные в исследовании результаты могут быть востребованы при разработке методов профилактики онлайн-рисков и зависимого от социальных сетей поведения, обучения

безопасному использованию сети Интернет и развития цифровых коммуникативных компетенций подростков.

Заключение

1. Формальные характеристики использования социальных сетей являются общими ориентирами для характеристики подростков-пользователей социальных сетей и описывают их как активных пользователей различных социальных сетей с большим количеством друзей. При этом увеличение количества социальных сетей, времени, которое им посвящает подросток, а также большое количество друзей может быть как фактором большей интеграции, так и фактором риска. В отличие от формальных характеристик, интеграция социальных медиа в повседневную активность может являться важным показателем для оценки степени того, насколько использование социальных сетей стало ежедневной практикой и поддерживает социальные и эмоциональные связи с другими.
2. Важной составляющей поведения в социальной сети является сохранение приватности. Регулирование доступности профиля пользователя может отражать проявление мотивов, связанных желанием коммуникации с другими людьми, однако оно не связано с мотивами презентации себя ограниченному кругу друзей через размещение информации. Приватность может снижать риски встречи с незнакомыми людьми и, соответственно, риски от возможной коммуникации.
3. Риски взаимодействия с незнакомым человеком и «развиртуализация» связаны с коммуникативными и интерактивными мотивами, но, вероятно, связаны и с целями пользователя: например, игровые мотивы связаны с большими социальными рисками. Реализация мотива самопрезентации скорее будет связана с переживанием реакций от других пользователей на публикации, чем с социальными рисками.
4. В целом большее психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью связаны с меньшими факторами риска в Интернете, как социальными, так и эмоциональными. Это, с одной стороны, может говорить о том, что отсутствие риска приводит к большему психологическому благополучию, с другой – что подростки, удовлетворенные жизнью, не стремятся в социальных сетях к взаимодействию, связанному с риском.

Литература

- Алексеева, О. В., Веретина, О. Р. и Орлова, А. В. (2019). Подросток в интернет-среде: показатели благополучия и безопасности. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, 2, 23–30. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-2>
- Горелова, Г. Г. и Иноземцев, Д. В. (2020). Анализ психологического благополучия на основании параметров поведенческой активности пользователей социальных сетей. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*, 2, 489–494. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.2.p489-494>
- Карабанова, О. А. (2020). Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 3, 4–22. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.01>
- Карабанова, О. А. и Георгиевская, М. А. (2019). Представления об этических нормах Интернет-общения у пользователей юношеского возраста с различным уровнем развития морального сознания. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 4, 107–125.

- Кирюхина, Д. В. (2019). Кибербуллинг среди молодых пользователей социальных сетей. *Современная зарубежная психология*, 8(3), 53–59. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080306>
- Корниенко, Д. С. и Руднова, Н. А. (2018). Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией. *Психологические исследования*, 11(59), 9. Доступ 20 августа 2021, источник <http://psystudy.ru>
- Корниенко, Д. С., Руднова, Н. А. и Горбушина, Е. А. (2021). Особенности самопрезентации в социальной сети в связи с чертами большой пятерки и темной триады. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 31(1), 45–53. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-1-45-53>
- Кружкова, О. В. и Воробьева, И. В. (2019). Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду Интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 4, 160–185.
- Овчарова, Р. В. (2021). Самопрезентация личности подростков и юношей в социальной сети. *Общество: Социология, Психология, Педагогика*, 3, 74–79. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.3.12>
- Осин, Е. Н. и Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Панов, В. И. и Патраков, Э. В. (2020). Представления педагогов и подростков о рисках во взаимодействиях в интернет-среде. *Психологическая наука и образование*, 25(3), 16–29. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250302>
- Собкин, В. С. и Федотова, А. В. (2018). Подросток в социальных сетях: к вопросу о социально-психологическом самочувствии. *Национальный психологический журнал*, 3, 23–36. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0303>
- Собкин, В. С. и Федотова, А. В. (2019). Сеть как пространство социализации современного подростка. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 119–137. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270308>
- Солдатова, Г. У. и Теславская, О. И. (2018). Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях. *Национальный психологический журнал*, 3, 12–22. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0302>
- Солодников, В. В. и Зайцева, А. С. (2021). Использование социальных сетей и социализация российских подростков. *Социологическая наука и социальная практика*, 9(1), 23–42. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>
- Сунцова, Я. С. и Бурдыко, Е. В. (2018). Склонность к интернет-зависимости студентов в связи с их психологическим благополучием. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 28(4), 412–423.
- Хлыбова, Н. А., Томичева, И. В. и Гиренко, И. В. (2021). Самодетерминируемая мотивация студентов в контексте дистанционной образовательной деятельности. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 31(2), 226–238. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-2-226-238>
- Холмогорова, А. Б. и Герасимова, А. А. (2019). Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 138–155. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270309>

- Bruggeman, H., Van Hiel, A., Van Hal, G., & Van Dongen, S. (2019). Does the use of digital media affect psychological well-being? An empirical test among children aged 9 to 12. *Computers in Human Behavior, 101*, 104–113. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.07.015>
- Bulut, Z. A., & Doğan, O. (2017). The ABCD typology: Profile and motivations of Turkish social network sites users. *Computers in Human Behavior, 67*, 73–83. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.10.021>
- Clark, J. L., Algoe, S. B., & Green, M. C. (2018). Social network sites and well-being: The role of social connection. *Current Directions in Psychological Science, 27*(1), 32–37. <https://doi.org/10.1177/0963721417730833>
- Digital 2021: Global overview report.* (2021). Retrieved from: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>
- Ellison, N. B., Steinfield, C., & Lampe, C. (2007). The benefits of Facebook "friends": Social capital and college students' use of online social network sites. *Journal of Computer-Mediated Communication, 12*(4), 1143–1168. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x>
- Elphinston, R. A., & Noller, P. (2011). Time to face it! Facebook intrusion and the implications for romantic jealousy and relationship satisfaction. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, 14*(11), 631–635. <https://doi.org/10.1089/cyber.2010.0318>
- Gao, T., Li, M., Hu, Y., Qin, Z., Cao, R., Mei, S., & Meng, X. (2020). When adolescents face both Internet addiction and mood symptoms: A cross-sectional study of comorbidity and its predictors. *Psychiatry Research, 284*. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112795>
- Jenkins-Guarnieri, M. A., Wright, S. L., & Johnson, B. (2013). Development and validation of a social media use integration scale. *Psychology of Popular Media Culture, 2*(1), 38–50. <https://doi.org/10.1037/a0030277>
- Livingstone, S., Ólafsson, K., & Staksrud, E. (2013). Risky social networking practices among "underage" users: Lessons for evidence-based policy. *Journal of Computer-Mediated Communication, 18*(3), 303–320. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12012>
- Marín-López, I., Zych, I., Ortega-Ruiz, R., Hunter, S. C., & Llorent, V. J. (2020). Relations among online emotional content use, social and emotional competencies and cyberbullying. *Children and Youth Services Review, 108*. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104647>
- Masi, L. (2018). Usage d'Internet chez les millennials: Qu'en dit la littérature? *Neuropsychiatrie de l'Enfance et de l'Adolescence, 66*(3), 165–174. <https://doi.org/10.1016/j.neurenf.2018.02.003>
- Nikitina, E. (2021). Is selfie behavior related to psychological well-being? *Psychology in Russia: State of the Art, 14*(3), 21–33.
- Przybylski, A. K., & Weinstein, N. (2017). A large-scale test of the Goldilocks hypothesis: Quantifying the relations between digital-screen use and the mental well-being of adolescents. *Psychological Science, 28*(2), 204–215. <https://doi.org/10.1177/0956797616678438>
- Schønning, V., Hjetland, G. J., Aarø, L. E., & Skogen, J. C. (2020). Social media use and mental health and well-being among adolescents – A scoping review. *Frontiers in Psychology, 11*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01949>
- Simion, O., & Dorard, G. (2020). L'usage problématique des réseaux sociaux chez les jeunes adultes: Quels liens avec l'exposition de soi, l'estime de soi sociale et la personnalité? *Psychologie Française, 65*(3), 243–259. <https://doi.org/10.1016/j.psfr.2019.05.001>
- Sobkin, V. S., & Fedotova, A. V. (2019). Teenagers in social networks: Patterns of usage and aggressiveness. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 9*(12), 1733–1752.
- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., & Chigarkova, S. V. (2020). Digital socialization of adolescents in

- the Russian Federation: Parental mediation, online risks, and digital competence. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(4), 191–206. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0413>
- Staksrud, E., Ólafsson, K., & Livingstone, S. (2013). Does the use of social networking sites increase children's risk of harm? *Computers in Human Behavior*, 29(1), 40–50. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.05.026>
- Stockdale, L. A., & Coyne, S. M. (2020). Bored and online: Reasons for using social media, problematic social networking site use, and behavioral outcomes across the transition from adolescence to emerging adulthood. *Journal of Adolescence*, 79, 173–183. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2020.01.010>
- Valkenburg, P. M., & Peter, J. (2009). Social consequences of the Internet for adolescents: A decade of research. *Current Directions in Psychological Science*, 18(1), 1–5. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01595.x>

Дата получения рукописи: 18.09.2021

Дата окончания рецензирования: 01.12.2021

Дата принятия к публикации: 02.12.2021

Информация об авторах

Александр Николаевич Веракса – академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, заместитель директора Психологического института Российской академии образования, г. Москва, Российская Федерация; Scopus Author ID: 15770369700, ResearcherID: H-9298-2012, SPIN-код: 9953-2754; e-mail: veraksa@yandex.ru

Дмитрий Сергеевич Корниенко – доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории психологии детства и цифровой социализации Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры общей психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; Scopus Author ID: 36053200600, ResearcherID: L-5971-2015, SPIN-код: 5115-4075; e-mail: dscorney@mail.ru

Аполлиария Вадимовна Чурсина – младший научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, младший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57223604848, ResearcherID: AAG-8388-2021, SPIN-код: 5166-5355; e-mail: avchurs@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Александр Николаевич Веракса – разработка методологической концепции исследования, организация исследования, анализ результатов исследования.

Дмитрий Сергеевич Корниенко – обзор литературы, подготовка рукописи, подбор диагностического инструментария исследования.

Аполлиария Вадимовна Чурсина – сбор данных исследования, обработка результатов исследования, оформление рукописи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.